

Свт. Григорий Нисский.

Послание о жизни святой Макрины

Издание подготовила кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры древних языков и раннехристианской письменности
Татьяна Львовна Александрова

М., ГЛК, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый текст представляет интерес с различных точек зрения. Это творение одного из почитаемых отцов и учителей Церкви, святителя Григория Нисского, прославленного не только жизненным подвигом святости и оригинальным богословским видением, но и даром слова. Это произведение, сложное по жанру, включающее в себя элементы похвального надгробного слова, послания и классической античной биографии, но в то же время являющееся одним из самых ранних образцов зарождающегося жанра новой, христианской литературы — монашеского жития. Это повествование об одной из основоположниц женского монашества, преподобной Макрине, женщине необычайной силы духа, непрерывным аскетическим деланием победившей немощь естества. Это исторический документ, содержащий драгоценные сведения о богослужении, обрядах, обычаях и быте христиан IV века — «золотого века» христианской культуры. Наконец, — и, может быть, последнее наиболее важно для современного читателя, — это рассказ не только святого о святой, но и брата — о сестре, рассказ абсолютно достоверный и, несмотря на нескрываемую литературность произведения, согретый искренним родственным чувством.

Свт. Григорий Нисский — ярчайший богослов. По словам Л. П. Карсавина, он дал миру «одно из высших индивидуальных осмыслений христианства»; известный византинист А. А. Васильев называет его «самым глубоким мыслителем» из каппадокийцев. Ему принадлежит целый ряд произведений догматических, экзегетических и нравственно-аскетических. «Послание о жизни святой Макрины» наряду с некоторыми другими — такими, как трактат «О девстве или о совершенстве» — обычно относят к числу последних. Оно, однако, отличается от прочих тем, что основано на реальной биографии близкого свт. Григорию человека.

Житие Макрины было написано вскоре после ее смерти (в 380 г.), еще по свежим воспоминаниям и впечатлениям. Однако это не мемуары, а, как уже было сказано, литературное произведение. Свт. Григорий преследует определенную цель: показать идеал истинного подвижника (пол его героини в данном случае оказывается чем-то второстепенным). Он неоднократно сравнивает Макрину с атлетом, не знающим поражений, опытным и искусным в борьбе. Создавая идеальный образ, трудно избежать схематизации, — поэтому и Макрина временами кажется слишком жесткой, слишком «правильной», чуждой человеческих слабостей. Несомненно, в этом сказался и реальный ее характер, и то, как она воспринималась окружающими, и то, что хотел подчеркнуть свт. Григорий. В главе 15-й он вспоминает свой сон, предвозвестивший кончину Макрины: во сне он увидел, что держит в руках мощи мученика, от которых исходит свет, как от чистого, отполированного зеркала. По прибытии в родительский дом при первом же разговоре со смертельно больной Макриной он сразу вспомнил этот образ — по-видимому, именно это впечатление бьющего в глаза,

ослепительного света он и старался передать в своем произведении. Стоит ли удивляться, что этот свет порой кажется нестерпимым читателям нашего времени? Вместе с тем, по контрасту с главной героиней, неожиданно реалистичными оказываются образы ее близких — тоже святых: матери — Эммелии, — которая подшучивает над всегдашним присутствием при себе старшей дочери, сокрушается о безвременной смерти сына Навкратия и не сразу может расстаться с привычками мирской благополучной жизни; брата — молодого Василия Великого, — который еще юношески неразумно кичится своей ученостью, наконец, самого Григория, порой впадающего в уныние от бесконечных испытаний и с трудом сдерживающего слезы на похоронах сестры.

«Не раз Богослов Григорий дивился семейству, к которому принадлежал великий Василий. Отец и мать — благочестивые; дед и бабушка — исповедники; пять братьев — иноки, между ними три епископа, необыкновенные по дарованиям; шесть сестер, «брачные и безбрачные, но все добродетельные», и между ними Макрина, удивительная по уму и высоте духа. Только христианство могло образовать такое семейство и только оно могло раскрыть дарования да такой степени, до которой раскрыты они были в братьях Василии и Григории, необыкновенных учителях Церкви» — писал архиеп. Филарет (Гумилевский). История Церкви знает немало примеров, когда святости достигали целые семьи. Это не удивительно, ведь семья — «малая Церковь», в которой складываются и формируются характеры. Но все же чаще бывает, что в нашем представлении такие семьи святых сгруппированы вокруг какого-то одного, самого яркого их представителя. Как равночестные обычно

воспринимаются мученики — например, супруги Хрисанф и Дария, Вера, Надежда, Любовь и мать их София. О семьях же преподобных и праведных чаще говорят: преподобные Кирилл и Мария — родители преподобного Сергия, праведная Мариамна — сестра апостола Филиппа и т.п. Кто-то один достигает большей высоты, остальные оказываются немного в тени. В этом смысле семейство, давшее Церкви практически равновеликих святителей — Василия Великого и Григория Нисского — уникально. Сестра, прп. Макрина, воспринимается, в большей степени именно по близости к ним, но если ближе познакомиться с ее жизнью, становится ясно, что ее путь совершенно самостоятелен и независим от пути братьев. Житие, написанное ее братом, позволяет и нам войти в круг этих удивительных людей и посмотреть на мир их глазами.

Жития святых традиционно были излюбленным чтением людей, выросших в недрах Церкви, но современному человеку иногда бывает сложно проникнуться их духом: непривычно преобладание общего — над индивидуальным, канонического — над историческим. Но наиболее ранние образцы этого жанра, еще не устоявшегося, вопреки ожиданиям оказываются ближе и понятнее, чем позднейшие, писанные по уже сложившемуся канону. Возможно, причина этого в том, кому были адресованы эти произведения. В обществе, еще не ставшем христианским, жития святых были продолжением евангельского благовестия и играли роль свидетельства — как перед своими, «верными», так и перед чужими, зачастую равнодушно или даже враждебно настроенными людьми. Поэтому в них, как и в Евангелии, откровенно говорится не только о силе Божией, но и о немощи человеческой, что создает ощущение глубокой человеческой правдивости. Позднее,

по мере христианизации общества, потребность в свидетельствах для «внешних», как казалось, отпала, осталось необходимым лишь соответствие каждого вновь прославляемого святого уже принятому Церковью и обществом идеалу. К этому времени сложился и житийный канон. Житие предлагает пример для подражания, но не старается убедить в том, в чем все и так убеждены. Но в современном, в значительной степени расцерковленном, обществе способность убеждать вновь становится актуальной — потому-то и оказывается, что наиболее отдаленные по времени памятники оказываются наиболее близкими по своей направленности. Именно поэтому — из соображений не только академических, но и жизненных, — представляется целесообразным предложить житие преподобной Макрины в качестве учебного текста для изучающих греческий язык.

Текст «Послания о житии святой Макрины» с подробным историко-филологическим комментарием Пьера Маравалья был опубликован в серии *Sources chretiennes* (N 178, Paris, 1971). Этот, исключительно обстоятельный, комментарий, главным образом, учитывался и в нашем издании, с этого издания печатается греческий текст, с него же выполнен русский перевод. Мы прилагаем краткую библиографию работ, посвященных жизни и нравственно-аскетическому учению свт. Григория Нисского, а также, для более полного представления о характерах и взаимоотношениях великих каппадокийцев — отрывки из работы Г. В. Флоровского «Восточные отцы IV века», дающие их яркие портретные характеристики, и несколько эпитафий свт. Григория Богослова, посвященных близким свт. Василия Великого.